

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 83 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Раскопки Российско-Канадской экспедиции на могильнике Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 291 – 294.

Горюнова О.И., Вебер А., Новиков А.Г. Новые данные по бронзовому веку Прибайкалья: Могильник Хужир-Нугэ XIV // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 138 – 146.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 94 – 116.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 32 – 41.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск:

Изд-во Том. ун-та, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 208 с. – (Из истории Сибири; Вып. 10).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 347 с. – (МИА; № 43).

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – Новосибирск: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 318 с.

Студницкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА. – 1970. – № 1. – С. 19 – 32.

Материал поступил в редколлегию 26.03.03 г.

УДК 391

Сато Хироюки, Онуки Сидзуо*Университет Токио, Япония**University of Tokyo, Japan**7-3-1, Hongo, Bunkyo-ku, Tokyo, 113-0033**E-mail: hsato@1.u-tokyo.ac.jp*

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ УДЭГЕЙЦЕВ НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX века.)

Введение

Когда археологи занимаются реконструкцией структуры первобытного общества, они за археологическими артефактами надеются увидеть некие группы людей и представить, чем была примечательна их деятельность. Однако, используя только археологические материалы, трудно установить связь между структурой архаического общества и жизнедеятельностью его членов, между социальной структурой и культурной адаптацией [Сато Хироюки, 1992, 1999]. Реконструкции жилых построек, а также модели поведения членов общества до сих пор создавались на основе этнологии лишь немногих территорий [Binford, 1977, 1980]. Необходимую информацию этнографы получали в основном в специфических районах Южной Америки и Африки, мало внимания уделялось Дальнему Востоку, в т.ч. Японскому архипелагу [Сато Хироюки, 2000]. В статье представлены результаты этноархеологического изучения поселений удэгейцев Приморского края России.

Одной из задач археологов в этом междисциплинарном исследовательском проекте стало изучение сведений о типах жилищ и характере хозяйственной деятельности малочисленных народов Дальнего Востока (например, о летних и зимних поселениях), на которые часто ссылаются при реконструкции типов жилищ домов и деятельности людей первобытной эпохи. Все это было предметом изучения этнографии середины XIX – начала XX в. В своем исследовании мы намереваемся представить дополнительные сведения о системе поселений и типах жилищ, о сред-

ствах существования и о жизнедеятельности удэгейцев, а также рассмотреть исторический фон аборигенной этнографии. Внимание будет сосредоточено также на вопросе охотничьих территорий и особенностях хозяйственной деятельности коренного населения бассейна р. Бикин (Приморье) в настоящее время.

Удэгейцы в бассейне р. Бикин

В прежние времена удэгейцы обитали на территории, охватывающей северную часть Приморья и юг Хабаровского края (хр. Сихотэ-Алинь). Они жили в горах и в отличие от земледельцев юга Приморья, селившихся на равнинах и вдоль побережья Японского моря, имели иную систему жизнеобеспечения, основанную на охоте и рыболовстве. Но это не значит, что они были изолированы от земледельческих районов [Росиа спорё бункаси, 1998].

В рамках исследовательского проекта изучение вопросов, связанных с удэгейцами, проводилось в д. Красный Яр. Этот населенный пункт находится в Партизанском р-не Приморского края Российской Федерации. Жилые постройки размещаются вдоль берегов среднего течения р. Бикин, впадающей на западе в Уссури – приток Амура (рис. 1). В 1959 г. здесь, на Сихотэ-Алине, была создана чисто удэгейская деревня, куда собрали обитателей всех окрестных деревушек. Удэгейцы представляют собой один из малочисленных народов, проживающих на территории Российского Дальнего Востока. Вместе с нанайцами и орочами они относятся к тунгусо-маньчжурским народностям. Прежде удэгейцы жили на берегах Хора, Бикина и Имана (трех текущих на запад

притоков Уссури), а также вдоль р. Анюй (приток Амура) и в бассейне р. Самарги – на противоположной стороне Сихотэ-Алиня. Однако сейчас в указанных районах осталось мало мест их компактного проживания [Моримото Кадзуо, 1998]. В силу этого Красный Яр оказался почти единственной деревней, где сохраняются до сих пор образ жизни и обычаи удэгейцев.

Старые удэгейские поселения размещались на территории от д. Охотничьей (прежнее название – Урунга) до д. Верхний Перевал* (ниже по течению Бикина от д. Красный Яр), где удэгейцы жили по соседству с нанайцами. Отсюда вдоль долины Уссури простирается равнина. Как удэгейцы, так и нанайцы прочно обосновались в этих местах. С конца XIX и до начала XX в., по мнению С.К. Патканова [1906] и В.К. Арсеньева [1972], многие китайские крестьяне переселились сюда и растворились среди удэгейцев на территории от д. Верхний Перевал до д. Красный Яр и далее до д. Сивантай-Мяо. Можно полагать, что деревни в этом регионе, где занимались земледелием и торговали сельскохозяйственной продукцией, несколько отличались от тех, что располагались в верхнем течении Бикина. Поэтому далее мы сосредоточим внимание на чисто горном районе – от д. Сивантай-Мяо до д. Урунга и рассмотрим систему размещения там старых деревень (рис. 2, от Б до В). Удэгейцам удалось сохранить свою традиционную хозяйственную деятельность – охоту, в т.ч. на соболя с использованием ловушек, хотя современная “модернизация” жизни и внесла существенные изменения в их культуру и обычаи. Соответственно, можно предполагать, что они также сохранили за собой традиционные территории охотничьих промыслов.

Охотничьи территории

Бассейн Бикина вверх по течению от д. Красный Яр в настоящее время разделен на 22 охотничьи территории, каждая из которых закреплена за одним охотни-

* Эти сведения получены при разговорах со старожилами, а также из документальных источников: переписи населения, проведенной С.К. Паткановым, записей участников экспедиции В.К. Арсеньева.

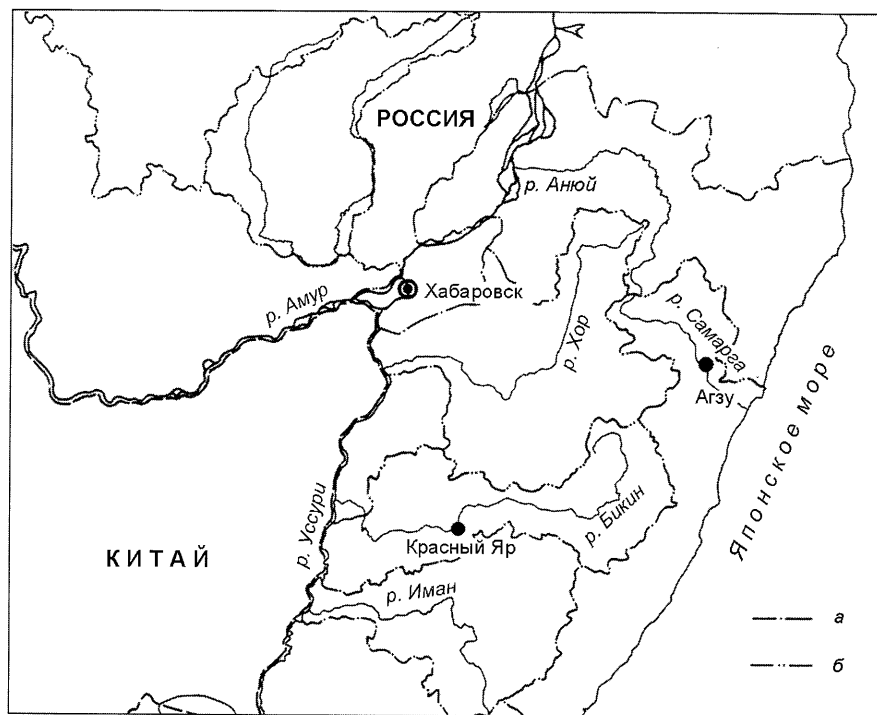

Рис. 1. Расположение д. Красный Яр.

а – граница районов проживания удэгейцев, б – граница Приморского края.

ком. Говорят, что подобное разделение совпадает с традиционным. Поскольку охота на соболя с помощью ловушек требует хороших знаний его привычек, то, вероятно, и в наши дни выгоднее сохранять и использовать более эффективную местную систему охоты.

Площадь всех охотничьих территорий – 1 231 649 га (табл. 1). Каждый участок составляет в среднем 55,984 га, наименьший из них – 22,460 га, а самый большой – 180,343 га. Изменения в составе растительности прослеживаются между участками 12/13 и 14/15. В то время как на территориях, расположенных вниз по течению Бикина, господствуют смешанные леса, в которых растут дуб, корейская сосна (*Pinus koraiensis*) и широколиственные деревья с опадающей листвой, в бассейне его верхнего течения в смешанных лесах с елью (*Picea jezoensis*) и широколиственными деревьями доминируют хвойные (шишконосные). Соболю же предпочитает в основном леса с широколиственными деревьями – и потому охотничьи угодья, расположенные далеко в горах, обширнее, чем в низовьях Бикина* (рис. 2).

* Площадь каждой из 11 охотничьих территорий в низовьях Бикина в среднем составляет 38,515 га, а в верховьях – 73,453 га [Моримото Кадзуо, 2000]. Даже если исключить неимоверно большой (180,343 га) участок 18 (горы Сихотэ-Алиня), средняя площадь каждой из остальных 10 промысловых территорий составит 62,764 га.

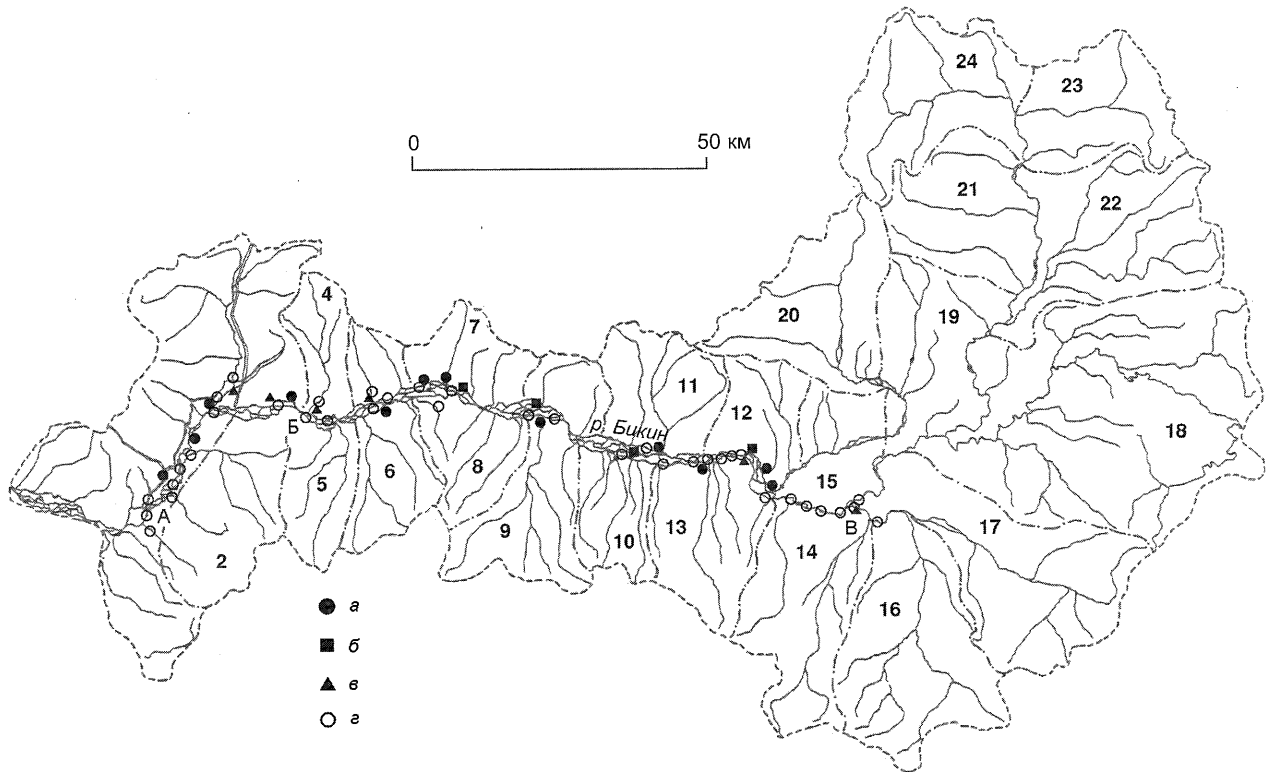

Рис. 2. Охотничьи территории и система старых поселений в бассейне Бикина в конце XIX – начале XX в. а – старые деревни в 1894 г. (по: [Патканов, 1906]); б – старые деревни в 1907 г. (по: [Арсеньев, 1972]); в – старые деревни, где мы проводили исследования в 1995 – 1999 гг.; г – главные места нереста лосося. А – д. Красный Яр, Б – д. Сивантай-Мяо, В – д. Урунга. 2 – 24 – охотничьи территории.

Таблица 1. Охотничьи территории в бассейне р. Бикин

Номер участка	Площадь, га	Номер участка	Площадь, га
2	55,672	14	65,235
4	22,460	15	32,349
5	30,180	16	81,149
6	44,916	17	88,125
7	26,225	18	180,343
8	31,680	19	55,504
9	59,763	20	59,211
10	29,548	21	53,096
11	42,368	22	77,484
12	29,611	23	49,431
13	51,242	24	66,057

Охота в пределах каждой территории

Удэгейцы охотились не только на соболя, но и на других зверей (медведь, изюбрь, косуля, лось, дикий кабан и т.д.). Медведи здесь черные и бурые. Последние встречаются в горах в верхнем течении Бикина. Лоси обитают в зоне хвойных (шишконосных) лесов в той же части бассейна реки. Большинство жи-

вотных среднего и крупного размеров встречаются в основном в полосе распространения широколистных деревьев с опадающей листвой. Мясо дикого кабана и изюбря – самый важный продукт питания удэгейцев. Дикие кабаны встречаются в нижнем течении реки, а ареал обитания изюбров более широкий.

Территории, где с помощью ловушек добывали пушных зверей, были также строго поделены между теми, кто охотился на крупных животных, используя иные средства охоты. Так, например, согласно сообщению удэгейского информатора Сюзана Джонки, когда подстреленный олень или лось, убегая, оказывался на чужой охотничьей территории, охотник должен был отдавать определенные части убитых животных владельцу этого угодья: половину грудинки и часть печени, почек и голени. Однако в некоторых случаях охотничьи территории использовались с учетом складывавшейся обстановки. Более того, похоже, что поиски растительных ресурсов, таких как ценнейший женьшень, велись безотносительно поделенных территорий.

Ввиду того, что в прошлом население региона время от времени покидало старые деревни и селилось в новых местах (о чем поговорим позже), маловероятно, что охотничьи территории в их нынешних пределах соответствуют тем, которые были в далеком прошлом. Вероятно, их границы менялись в зависимости от контекста времен, но сохранялась основная структура.

По сведениям, полученным при опросах, до 1930-х гг., промысловое угодье оставалось личной собственностью охотника и переходило по наследству наиболее искусному в охоте сыну. На каждой охотничьей территории вели промысел несколько детей владельца. Права собственности на определенные охотничьи территории были переданы при советской власти госпромхозу. Теперь же они перешли от него к аборигенной охотничьей компании “Бикин” [Сасаки, 1998]. В советские времена охотники, в основном удэгейцы, работали по нормам, установленным государством, права на использование промысловых территорий закреплялись за ними сроком на пять лет. Тем не менее искусные охотники могли пользоваться своими угодьями вплоть до старости. Каждая промысловая территория включает несколько бассейнов рек, впадающих в Бикин, участки разграничены водоразделами, а также главной рекой. Долины рек (*якперы*) были и остаются основным местом охоты с помощью ловушек.

Охотничья территория и деятельность Сюзана Джонки

В настоящее время даже в д. Красный Яр очень немногие охотники знают что-либо об охоте в 1930-х гг., когда стала проводиться политика этнического переселения, а тем более до того. Нашему информатору Сюзану Джонке сейчас 85 лет. Он родом из Хабагу, а рос в Лаохэ [Росиа сюрё бункаси, 1998]. В 10-летнем возрасте ему впервые удалась охота на соболя, и с тех пор он оставался искусным охотником вплоть до ухода на пенсию в 1992 г. Далее мы рассмотрим традиционное использование охотничь-

их территорий и деятельность охотников в 1930-х гг. и ранее, исходя из того, что нам довелось узнать при опросах и в ходе дополнительных полевых исследований.

Сюзан обычно жил в охотничьем домике, расположенном на его промысловой территории 5, с начала октября, когда открывался сезон охоты, и примерно до 10 марта следующего года (за исключением праздничного периода, связанного с наступлением нового лунного года) и все это время проводил на охоте. Главным объектом его промысла был соболь, на которого охотились, используя *дюи* – разновидность капканов. *Дюи* устанавливались на деревьях, переброшенных в виде мостиков с одного на другой берег небольших ручьев, на расстоянии 10 – 15 м друг от друга и в 100 местах одновременно [Сато Хироюки, 1998а]. Дополнительно Сюзан Джонка устанавливал ловушки арканного типа, *фуки*, для небольших пушных зверей [Сато Хироюки, 1998б, с. 204 – 207] и северной кабарги [Сато Хироюки, 1998а]. Использовались также капканы на пнях, *раги* [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 7 – 79], и несколько разновидностей пружинных самострелов (для охоты на медведя такие самострелы применяли только с ноября до начала снегопада). *Дюи* устанавливались только в сезон листопада, с октября до начала декабря, в то время как капканы иных устройств – в течение всего сезона охоты. Поскольку считалось, что охотиться на соболя лучше всего в начале снежного времени года, то в такой охоте предпочтение отдавалось капканам типа *дюи*.

В охотничий сезон Сюзан Джонка совершал каждодневные длительные маршруты по личным охотничьим угодьям в бассейне р. Бачихеза (нынешнее название – Кленовка), которая течет на север и впадает в Бикин на восточной стороне Сивантай-Мяо* (рис. 3). По очертаниям это угодье имело вид неправильного прямоугольника с протяженностью сторон около 30 км с севера на юг и 10 км с востока на запад, площадь 30,180 га. Охотничий домик Сюзана находился на северной окраине его владений, в месте слияния рек Бачихезы и Бикина. Поскольку охотничьи территории были разграничены водоразделами, а участки, где велась охота на пушного зверя и дичь с использованием ловушек, размещались в долинах рек, то маршрут охотника охватывал не все угодье, а лишь две трети общей площади, т.е. 20 га (10 × 20 км). Свой обход Сюзан начинал от охотничьего домика, шел в южном направлении 15 – 16 км вдоль Бачихезы, пересекал горный хребет на западе от нее, спускался к одному из притоков той же реки, а затем продолжал

* Здесь находится небольшое святилище, где удэгейцы совершают жертвоприношения “лесному богу (или духу)” [Моримото Кадзуо, 1998].

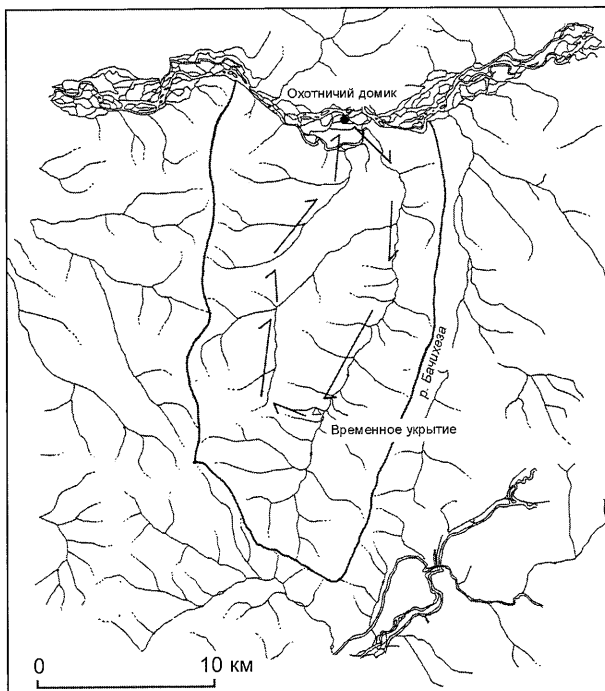

Рис. 3. Охотничья территория 5 Сюзана Джонки в 1930-х гг.

двигаться, но уже в обратном (северном) направлении, по пути, ведущему к домику. Следуя таким маршрутом, Сюзан проходил 30 – 40 км.

Помимо охоты на пушного зверя с использованием ловушек, в зимнее время были также иные виды промысла. На изюбря охотились с луками и стрелами, взяв с собой собак, которых побуждали к преследованию животных сигнальным свистком. Практиковалась также охота с копьем, когда охотник и собаки преследовали изюбря до тех пор, пока не загоняли его в глубокий снег. Копье использовали и при охоте на дикого кабана. В таких случаях охотник мог преследовать зверя и без собак. Для охоты на зайца предназначалась одна из разновидностей пружинного лука – *шеньми*. Медведя брали в пору зимней спячки, в берлоге*. Амурского барсука преследовали по следам.

По возвращении в деревню, в начале мая, Сюзан Джонка ловил на обширных мелководьях (места нереста) сахалинского тайменя, используя рыболовный крючок или копье, а затем обрабатывал улов для длительного хранения. Рыбья кожа использовалась для изготовления обуви. В июле охотились на изюбря. В это время можно было добыть весьма ценные панты оленя. Оленину вялили, нарезав мясо длинными тонкими полосами. Охоту на лося начинали в конце

* Удэгейцы, вероятно, не охотились на медведей, находившихся в зимних берлогах, ранней весной.

августа, а на изюбря – в сентябре. На самцов нападали из засады, т.к. в период гона они теряли осторожность. В такой охоте использовали собак и свистки. В летне-осенний сезон охотничьи домики служили временным базовым лагерем. В них хозяева долго не задерживались*.

Лучшим сезоном для ловли лосося, особо важного для удэгейцев продукта питания, был октябрь. В это время вся семья охотника переезжала во временное жилище, расположенное вблизи от мест нереста. У каждой семьи здесь был свой участок, где ловили рыбу и делали из нее заготовки на зиму. Семья Сюзана ловила по 3 – 4 тыс. рыб (примерно столько же заготавливала на зиму семья айнов [Watanabe, 1968]). Закончив ловлю лосося, глава семьи отправлялся в охотничий домик, а остальные участники лова продолжали заниматься разделкой, сушкой и копчением рыбы, заботясь о возможно более длительной сохранности продукта. По завершении подготовки к зиме члены семьи переезжали в деревню. Охота в зимнее время, а также рыбная ловля весной и осенью позволяли делать значительные запасы продовольствия. Однако нельзя было обойтись и без ежедневной ловли речной рыбы в теплое время года, ибо это обеспечивало оседлую жизнь удэгейцев все лето.

Леса с широколиственными деревьями вдоль р. Бикин позволяли делать запасы маньчжурского ореха и желудей. Тем не менее орехи, насколько помнил тот же Сюзан, не считались важным пищевым продуктом. Вот почему в повседневной жизни удэгейцев сбор растительных ресурсов не занимал много времени [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 27]. По словам жителей нанайской деревни Найхин, орехи использовали только для подкормки свиней. Вопрос в том, как сложилось такое отношение к этим дарам природы. Принято считать, что ручные мельницы, которые некогда были распространены по всему бассейну Амура, использовались для помола хлебных злаков. Однако, возможно, их также применяли для размалывания орехов [Там же, с. 238 – 249 (статья Онуки Сидзуо)]. Следовательно, стоит осторожнее оценивать значимость орехов в пищевом рационе удэгейцев.

Жилища и типы поселений удэгейцев по данным этнографии

Удэгейские поселения, которые и далее будут называться также деревнями, были двух разновидностей. Одни предназначались для относительно постоянного проживания в течение длительного времени, в основном зимой, а другие служили местами временного обитания, от нескольких дней до нескольких меся-

* О деталях охоты удэгейцев см.: [Росиа сюрё бункаси, 1998].

цев. Наиболее распространенным типом зимних жилищ были землянки с островерхими (коническими) крышами [Старцев, 1996, с. 17 – 18], летние наземные постройки возводились каждый год, когда удэгейцы, покидая землянки, переезжали на берег реки. Эти описанные этнографами типы жилищ и поселений сходны с теми, что представлены в китайской исторической хронике “Цзю-Таншу” (“История ранней Тан”).

Зимние деревни были окружены горами, которые защищали их обитателей от ветра. Они размещались вблизи речных долин, где велась охота на пушных зверей. На каждом поселении 15 – 20 чел. проживали в трех – пяти землянках [Подмаскин, 1998, с. 138]. Можно поэтому предполагать, что в каждой землянке находилась семья из 4 – 5 чел. Летние временные поселения располагались на берегу реки в пригодных для рыбной ловли местах, продуваемых ветрами. В каждой такой деревне 3 – 10 семей жили в трех – пяти строениях [Там же]. Хотя наш информатор не мог с уверенностью рассказать о количественном составе каждой семьи, проведенная С.К. Паткановым перепись населения (о чем подробнее будет сказано далее) свидетельствует о том, что в некоторых случаях число членов семьи превышало 10 чел. [Патканов, 1906].

Согласно капитальному исследованию по малочисленным народам Советского Союза “Народы Сибири” [1956], несколько семей удэгейцев жили по деревням, часто переезжая на новые места охоты и рыбной ловли. Хотя подобное утверждение может создать впечатление о кочевом образе жизни удэгейцев, все же они предпочитали оседлый, а миграции были вынужденными, сезонными. Последнее подтверждается тем, что удэгейцы оставались в одних и тех же зимних деревнях в течение многих десятилетий, а иногда и более сотни лет [Старцев, 1996, с. 17].

*Зимние жилища**

Землянки с островерхими крышами. Это наиболее распространенный тип зимнего жилища. Его длина 5 – 10 м, ширина 3 – 5 м, глубина 50 – 60 см, а высота крыши 2 – 3 м. Очаг находился в центре жилого помещения. В нескольких землянках, обнаруженных в бассейнах рек Сунгари и Иман, были выявлены обогреватели пола – *каны*.

Хотя подобные землянки считаются наиболее подходящими для жизни в зимнее время, мы не нашли в этнографических материалах дополнительной информации о них. Кроме того, в ходе полевых исследований, ожидая обнаружить множество западин от землянок этнографического времени, мы нашли лишь

одну (в Хабагу). По рассказам информаторов, такие землянки встречались и в д. Лаохэ на берегу Бикина [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 18]. И все же трудно судить о том, насколько общераспространенным был этот тип жилищ у обитателей бассейна Бикина, т.к. удэгейцы расселялись на очень большой территории.

Фанзы. Говорят, что богатые удэгейцы строили на берегах Бикина и Имана наземные жилища с *каном*. Одно из них выявлено возле дома Ивана Ганвовича.

Конусообразные постройки. В них удэгейцы жили в зимнее время в долине Хора и частично на берегах Бикина и Имана.

Большие наземные жилища с крышей, крытой корой (рис. 4, 1, 2). Такие постройки прямоугольной в плане формы, с двускатной крышей встречаются на берегах рек Анюй и Хор. Их длина 4 – 8 м, ширина 3 – 5, высота 2 – 3 м. Стены, как таковые, отсутствовали. Два входа располагались напротив друг друга. Очагов было два. Подобные жилища предназначались обычно для больших семей.

Малые наземные жилища с крышей, крытой корой. Их удэгейцы строили для семей из 3 – 5 чел. в бассейнах рек Хор, Анюй, Сунгари и Самарга. Вход у таких жилищ был один.

Подобная информация позволяет предполагать, что в зимнее время в малых домах, крытых корой, проживали малочисленные семьи, в то время как в подобного же типа жилищах, но значительно больших размеров, размещались несколько родственных семей. Похоже, жилая площадь в каждом таком доме четко соотносилась с количеством его обитателей.

Описание землянок наводит на мысль, что каждая из них предназначалась для одной семьи. Однако некоторые землянки имеют те же размеры, что и большие наземные жилища с крышей, крытой корой (как землянка в Хабагу); следовательно, к оценке того, сколько человек могло разместиться в землянке, нужно подходить с непременным учетом жилой площади в каждом конкретном случае. Мы предпочитаем избегать поспешных подсчетов и сравнений размеров поселений на основании лишь количества домов. Допуская, что форма жилищ соотносится с типами поселений, но учитывая многовариантность конусообразных построек, мы не считаем модели поселений удэгейцев единообразными.

*Летние временные жилища**

Большие наземные жилища с крышей, крытой корой. Они сходны с зимними домами, но не имеют предвходовой части. На крыше поверх коры настилали слой камыша. Сделав его потолще, можно было жить в таком доме и зимой.

* Описание жилищ по: [Старцев, 1996, с. 17 – 25].

* Описание жилищ по: [Старцев, 1996, с. 26 – 29].

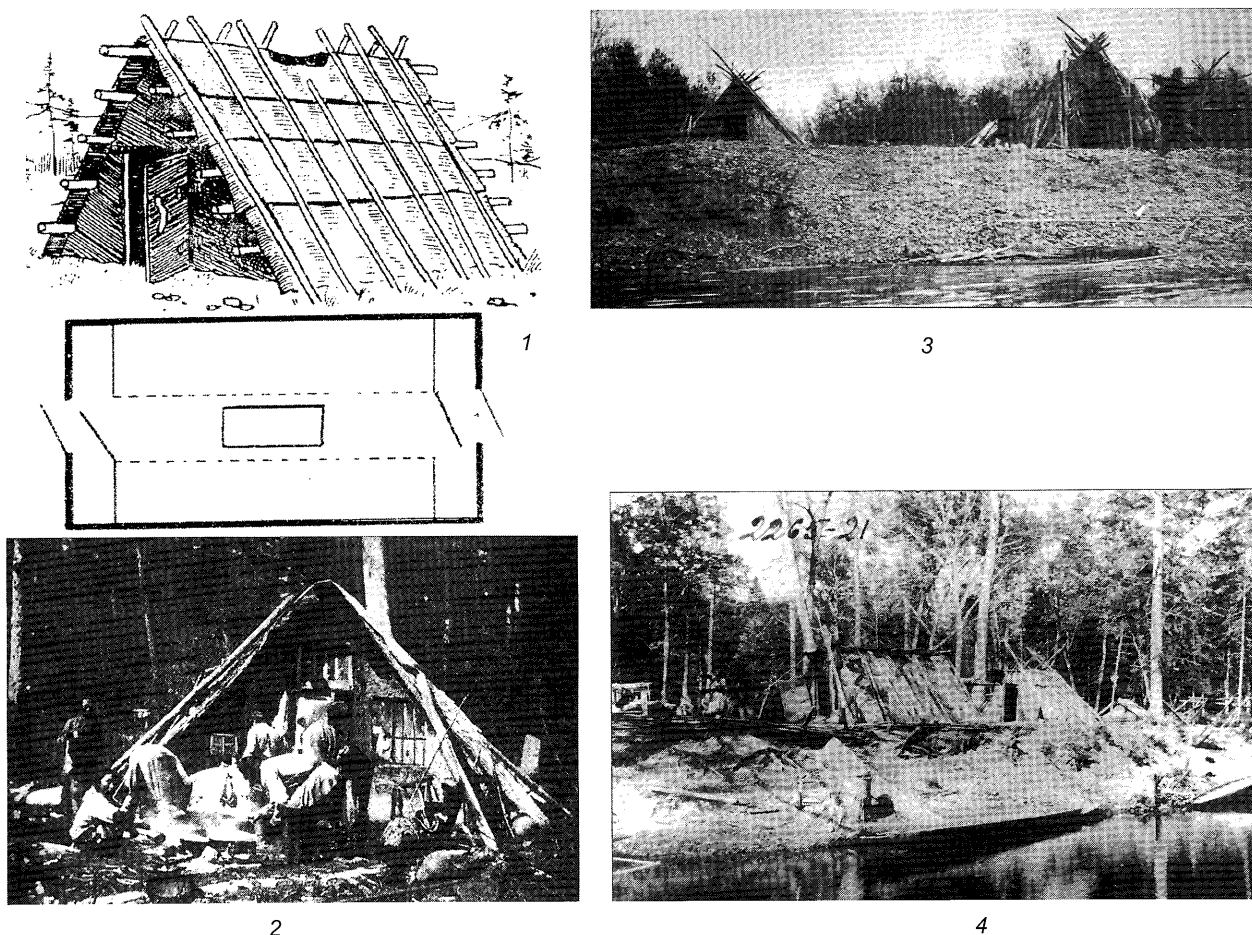

Рис. 4. Жилища удэгейцев.
1 – по: [Старцев, 1996]; 2 – 4 – по: [Vladimir K. Arseniev..., 1997].

Малые наземные жилища с крышей, крытой корой. Они также сходны с зимними, но на их крыше поверх коры настилали только один слой тростника. У некоторых из таких построек отсутствуют очаг или предвходовая часть (рис. 4, 3, 4).

Прямоугольные жилища со стенами и остроугольной крышей. Такой тип жилища был у населения долин рек Самарга, Хор, Бикин и Иман.

Постройки с цилиндрическим сводом. Их удэгейцы строили на берегах рек Анной, Хор и Иман, в местах богатых рыбой. Длина и ширина подобных жилищ были соответственно 3 – 5 и 2,5 – 3,5 м.

Кроме того, в качестве летнего жилища удэгейцы использовали брезентовые палатки и навесы.

Судя по всему, размеры летних и зимних домов с крышей, крытой корой, и количество проживавших в них людей существенно не различались. А потому можно предполагать, что жители небольших зимних деревень в летнее время не расходились в разные стороны, а все вместе перебирались на новое временное местожительство. И, наоборот, население больших зимних деревень в летнюю пору могло рассредоточиваться по разным местам.

Реконструкция типов поселений в бассейне р. Бикин

В настоящее время нам известны 19 названий деревень, в которых удэгейцы жили до их переселения в 1930-х гг. [Росия сюрё бункаси, 1998, с. 4]. Прежде чем судить о системе размещения этих деревень, необходимо определить их местонахождение. Следует иметь в виду, что не все они существовали в одно и то же время и население каждой из деревень могло периодически меняться. Выдающиеся русские исследователи С.К. Патканов и В.К. Арсеньев единодушны в том, что примерно 13 известных деревень существовали в бассейне р. Бикин всегда. Типы поселений можно рассмотреть на основе анализа и сопоставления приводимых ими сведений.

Рассмотрим типы удэгейских поселений в бассейне р. Бикин, опираясь на информацию, полученную С.К. Паткановым [1906] в ходе проведенных им переписей населения в 1894 и 1897 гг., а также записи, сделанные в 1907 г. В.К. Арсеньевым (эти сведения включены в его знаменитую книгу “Дерсу Узала” [1972]).

Таблица 2. Население деревень на берегах р. Бикин
летом 1894 г. [Патканов, 1906]

№ п/п	Название деревни	Кол-во жилищ		Кол-во семей	Численность населения		
		Дома	Фанзы		Мужчины	Женщины	Всего
1	Та-байчелаза			1	10	9	19
2	Муси-джий-дзэ	2	–	?	11	12	23
3	Дау-сик-сы	2	–	?	12	12	24
4	Ганьгату	3	–	2	10	12	22
5	Байчелаза	3	–	?	7	9	16
6	Тун-гуза	2	–	?	11	2	13
7	Гундзюгу	1	–	1	9	13	22
8	Фунсулаза	?	?	2	9	8	17
9	Метахези	4	–		13	9	22
10	Тохоло	3	1	3	24	14	38
11	Кукучингэ	1	1	?	7	7	14
12	Сигу	1	6	?	35	35	70
13	Ся-муси-джий-дзэ	1	1		6	4	10
14	Табань	?	?	?	?	?	?
Всего		23	9	9	164	146	310

Согласно В.К. Арсеньеву [1972, с. 218], в 1907 г. в бассейне Бикина кроме удэгейцев никто не проживал, и в то время там не было ни одного китаецца (маньчжура). Хотя раньше они селились в районе д. Сигу (по его сведениям [Там же, с. 238], 35 мужчин в Сигу были китаеццами. Похоже, многие названия местностей имеют китаецское происхождение, что также указывает на проживание здесь китаеццев. По подсчетам В.К. Арсеньева [Там же], в 1895 г. на берегах Бикина расселялись 306 туземцев.

Сведения С.К. Патканова [1906] о населении бассейна Бикина представлены в табл. 2 и 3. Мы допускаем, что *балаганы*, о которых он пишет, есть в сущности наземные жилища с крышей, крытой корой. Очевидно, в д. Кукучингэ были подсчитаны только удэгейцы, жившие в такого рода домах. Отметим, что китаеццы и люди смешанной крови жили, возможно, на поселениях с *фанзами* (речь идет о деревнях Тохоло, Кукучингэ, Сигу, Ся-муси-джий-дзэ). Похоже, семей было, как правило, столько же, сколько домов, по крайней мере, в деревнях, по которым сохранились сведения о количестве тех и других. В то время как в большинстве деревень женщин и мужчин было примерно поровну, удивляет несоразмерно высокий процент мужчин в д. Тунгуза.

В деревнях, где *фанзы* отсутствовали, в одном доме жили в среднем 10 чел.; возможно, то были большие семьи родственников, которые состояли из брачных пар разных поколений, а также братьев

или сестер. В иных деревнях проживала только одна семья численностью около 20 чел. (т.е. почти столько же, сколько в деревнях, где проживали две семьи). Другими словами, семьи были расширенными. Последнее соответствует упомянутому описанию А.Ф. Старцева, в котором отмечается, что в зимних наземных жилищах было несколько очагов и что в таких домах проживали большие семьи. Они включали от одной до трех групп родственников. Хотя точную картину такой “семьи” трудно воссоздать, но, по крайней мере, можно с уверенностью говорить о принадлежности ее членов к одному роду. То есть можно предполагать, что если в деревне проживало несколько семей, то они, скорее всего, представляли один и тот же род.

По данным переписей населения бассейна р. Бикин 1894 и 1897 гг., в каждом доме проживали в среднем 8 – 9 чел. [Патканов, 1906]. Однако в материалах этих переписей общее количество деревень и численность в них людей различаются, хотя С.К. Патканов сообщает [Там же], что в промежуток времени между переписями населения (лето 1894 г. – зима 1897 г.) в деревнях, которые он обследовал, не было ни серьезных болезней с летальным исходом, ни широкомасштабных миграций. Даже с учетом сезонных миграций (в зимнюю пору была наибольшая концентрация населения в деревнях, а летом происходил его отток на временные места обитания), различия в цифрах все же слишком разительны. По всей вероятности, в 1897 г. перепись не коснулась обитателей вер-

Таблица 3. Население деревень на берегах р. Бикин в 1897 г. [Патканов, 1906]

№ п/п	Название деревни	Кол-во семей	Численность населения			Удэгейцы			Нанайцы			Китайцы			Представители других наций		
			Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
1		7	49	12	61	-	-	-	1	4	5	43	5	48	5	3	8
2		1	3	0	3	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	-	-
3		1	7	3	10	-	-	-	7	3	10	-	-	-	-	-	-
4		2	10	8	18	-	-	-	10	6	16	-	2	2	-	-	-
5		1	6	3	9	6	3	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6		1	5	2	7	5	2	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7		1	6	2	8	-	-	-	6	2	8	-	-	-	-	-	-
8		1	3	2	5	3	2	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9		1	4	0	4	-	-	-	4	-	4	-	-	-	-	-	-
10	Тохоло	2	8	5	13	8	5	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Кукучингэ	2	9	7	16	9	7	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Сигу	5	25	21	46	25	21	46	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13		4	33	0	33	-	-	-	-	-	-	33	-	33	-	-	-
14	Перевал	8	65	0	65	-	-	-	-	-	-	65	-	65	-	-	-
Всего		37	233	65	298	56	40	96	31	15	46	141	7	148	5	3	8

ховьев Бикина, потому что в зимнюю пору добраться до тех мест трудно из-за проблем с транспортом. Поэтому перепись населения 1894 г. более надежна. В ходе ее было установлено, что на берегах Бикина в то время проживало около 200 чел., а значит, в одном доме – около восьми.

Местоположение и размеры старых деревень в бассейне р. Бикин

Поскольку записям С.К. Патканова более века и на современных картах уже нет многих из упомянутых им деревень, мы попытались установить их тождество с ныне существующими. В этом нам помогли книга В.К. Арсеньева “Дерсу Узала” в переводе на японский язык [1995], составленный В.В. Подмаскиным в 1996 г. документ со старыми названиями притоков Бикина (он хранится во Владивостоке в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока) и составленная русскими учеными “Карта нерестилищ лосося в бассейне р. Бикин”, на которой отмечено несколько прежних названий ее притоков. Но все же некоторые старые деревни остались неидентифицированными.

В записях В.К. Арсеньева, сделанных зимой 1907 г., некоторые названия старых деревень соответствуют тем, что приводил С.К. Патканов [1906], хотя есть

такие, что появляются впервые, а иные из указанных в переписи отсутствуют. Очевидно, не все зимние поселения удэгейцев были зафиксированы С.К. Паткановым в 1894 г., а за последующие 13 лет в тех местах произошли некие перемены.

В 1894 г. деревни, находившиеся на расстоянии от 4 до 6 км друг от друга, образовывали подгруппы, интервалы между которыми составляли от 10 до 16 км (рис. 5). Последнее обстоятельство зависело, видимо, от характера рельефа долины Сигоньку-Гуляни, что разделяла районы верхнего и нижнего течения Бикина. Большинство деревень располагалось на правом берегу этой реки (вероятно, потому, что горы хорошо защищали зимние поселения от северных ветров).

Группа населения верховьев Бикина, обитавшая в ущелье Сигоньку-Гуляни (104 чел. в 11 домах). В ней три подгруппы:

- 1) Та-байчелаза (19 чел. в одном (?) доме) – 4 км* – Муси-джий-дзэ (23 чел. в двух домах) – 9 км – ;
- 2) Дау-сик-сы (24 чел. в двух домах) – 10 км – ;
- 3) Ганьгату (22 чел. в трех домах) – 5 (или 18) км – Байчелаза (16 чел. в трех домах).

Группа населения в окрестностях ущелья Сигоньку-Гуляни. В этом районе от охотничьей террито-

* Здесь и далее это расстояния между деревнями при ходе напрямик.

рии 8 до западной стороны промышленного участка 10 проживали всего несколько человек – Тунгуза (13 чел. в двух домах). Поселение необычно по соотношению полов – 11 мужчин и 2 женщины. Вполне возможно, что его обитатели специализировались на охоте.

Группа населения в среднем течении Бикина районов Хойтунь и Метакези (61 чел. в семи домах) – Гундзюгу (22 чел. в одном доме) – 10 – [4 км (?) – Фунсулаза (17 чел. в двух (?) домах) – 6 км (?) –] Метакези (22 чел. в четырех домах) [– 17 км (?) – Фунсулаза (17 чел. в двух (?) домах)]*.

Хотя перепись населения в 1894 г. происходила летом, местоположение старых деревень, о которых сообщает С.К. Патканов [1906], мало чем отличается от размещения зимних поселений, описанных спустя 13 лет (в 1907 г.) В.К. Арсеньевым (рис. 6).

Группа населения верховьев Бикина (более девяти домов). В ней две подгруппы:

1) Лаохозэн (три дома) – 5 км – Давасигучи (или Дау-сик-сы) (четыре дома) – 12 км – ;

2) Каньгату (или Ганьгату) (?) – 4 км – Хабагу (один дом).

Из четырех деревень, исследованных В.К. Арсеньевым в 1907 г., две, вероятно, те, в которых побывал в 1894 г. С.К. Патканов. Последнее свидетельствует о том, что они продолжали еще находиться там же по крайней мере 13 лет.

Группа населения в окрестностях ущелья Сигоньку-Гуляни.

Поскольку это был малонаселенный район, деревни располагались на большом расстоянии друг от друга.

Группа населения, проживавшая в среднем течении Бикина. Значительное количество людей проживало в районе Хойтун-Метакези, где было много деревень, но конкретных их описаний нет. Источники существования жителей этих деревень были разнообразнее, чем у населения верховьев Бикина, т.к. они занимались земледелием.

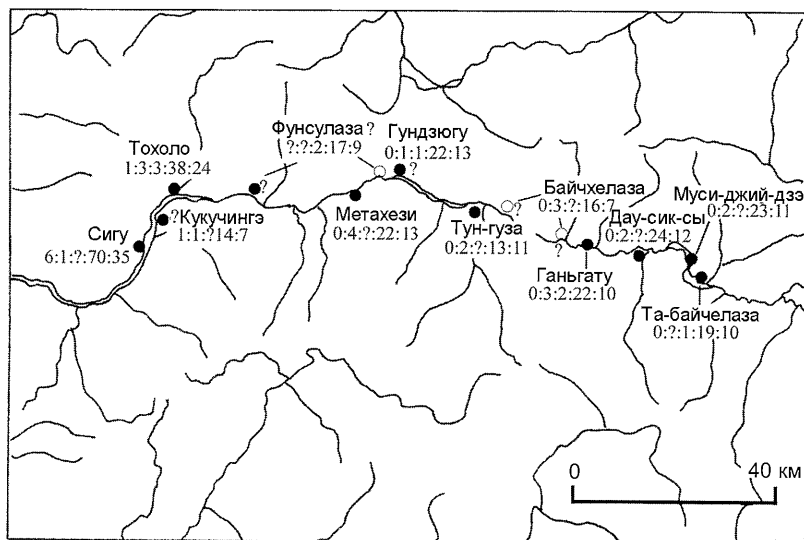

Рис. 5. Старые деревни на берегах р. Бикин летом 1894 г. (по: [Патканов, 1906]). Цифрами обозначено количество домов с канами, летних построек, семей, населения, мужчин в деревнях.

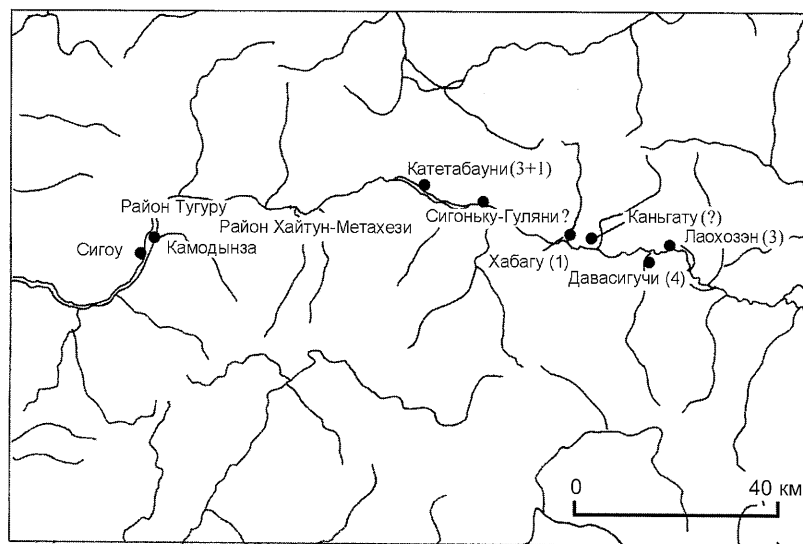

Рис. 6. Старые деревни на берегах р. Бикин зимой 1907 г. (по: [Арсеньев, 1972]). В скобках указано количество домов в деревнях.

Система поселений и средства существования

Мы склонны предполагать, что старые поселения представляют собой зимние деревни и в них отсутствовали временные *балаганы*, сходные с теми, что удэгейцы строили на берегу реки для использования их в теплую пору года. И вот почему. Старые деревни, где нам довелось побывать, находились в лесу всего в нескольких сотнях метров от р. Бикин. Поэтому мы не можем понять связь между такими поселениями и временными стойбищами.

* Расположение д. Фунсулаза выяснить не удалось.

В регионе, где велись исследования, наблюдается тенденция расположения старых деревень у мест слияния полноводных притоков с р. Бикин, где находятся нерестилища лосося. Именно с основными местами нереста и связаны почти все старые деревни. Этот факт согласуется со сведениями, которые мы получили от местных информаторов. Указанные на карте охотничьих территорий старые поселения в бассейне Бикина (см. рис. 2) приурочены к зонам промыслов. Современные охотничьи территории, которые, как говорят, остаются традиционными, почти перекрывают район распространения старых деревень. Расстояния между соседними поселениями 5 – 10 км. В настоящее время охотничья территория вокруг д. Сигоньку-Гуляни простирается по обе стороны р. Бикин, вероятно, потому, что животных и птиц здесь немного. Такой факт согласуется с большими расстояниями между старыми деревнями в этом регионе.

Род или близко родственные группы обычно занимали территорию вдоль главных притоков Бикина и размещали деревни у мест их впадения в эту реку; каждый приток был закреплен за определенным охотником и его семьей [Сакаи, 1998, с. 182]. Это свидетельствует о важности речных бассейнов для формирования общественных групп.

Например, девять деревень, о которых сообщал С.К. Патканов в записях 1894 г. (д. Метакези и те, что расположены восточнее ее), согласуются с количеством охотничьих территорий в этом районе – участки 7 – 15. В.К. Арсеньев писал о пяти старых деревнях в Сигоньку-Гуляни и восточнее, что также соответствует количеству охотничьих территорий – участки 9 – 13. Конечно, размещение деревень фиксировалось не всегда, в чем мы уже могли убедиться; к тому же не известно, существовало ли в прошлом столь же строгое, как сейчас, восприятие смысла слова “территория”. А потому без детального обсуждения этого вопроса мы не склонны сопоставлять прежние охотничьи территории с современными.

Если предположить, что данные переписи 1897 г. точны, то они свидетельствуют о росте численности населения. Весьма вероятно, число жителей в деревнях не было стабильным, периодически то уменьшаясь, то возрастая. Это связано, возможно, с тем, что удэгейцы, будучи не только охотниками и рыболовами, но и собирателями растительных продуктов питания, находились в значительной зависимости от изменений в окружающей природной обстановке, а также с болезнями, появившимися в их среде с приходом чужеземцев. Иногда поселения мало-помалу перемещались в другие места, хотя резких изменений в природной обстановке не было. В любом случае, важным кажется то, что размещение населения по ре-

гиону в 1894 и 1897 гг. в целом совпадает (исключая несколько деревень). Все это свидетельствует о детерминированности структуры группового расселения экологической системой.

В настоящее время лишь небольшое количество лосося заплывает в верховье Бикина, что вызвано интенсивной ловлей рыбы в низовьях этой реки и в устье Амура; между тем обильные уловы лосося обычно составляли основу пищевых запасов удэгейцев. Говорят, что каждой семье выделялось особое место для рыбной ловли на нерестилищах лосося. Такой участок имел протяженность 2 км [Моримото Кадзуо, 1998, с. 30]. Надо отметить, что “семья” нередко включала несколько родственных семей.

А теперь поговорим о связи между расположением старых деревень и местами нереста лосося. Поскольку местоположения нерестилищ не очень меняются со временем, однажды выделенные обитателям деревень участки рыбной ловли были постоянными. Вероятно, около крупных нерестилищ располагались относительно большие деревни, для которых характерны концентрация населения зимой и рассредоточение его по временным жилищам в теплое время года. А так как деревни, о которых идет речь, небольшие, совсем не похоже, что здесь происходили значительные сезонные изменения.

Если создавалась большая зимняя деревня, такая как нынешний Красный Яр, то удэгейцам приходилось периодически отлучаться, чтобы сохранить за собой места охоты и участки для ловли рыбы. Но подобные отлучки были обязательны не для всех, поскольку зимой охотой занимались только искусные охотники. Ясно, что “традиционная” поселенческая модель обитателей бассейна Амура до прихода русских на Дальний Восток не всегда была представлена небольшими поселениями, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Этот факт также подтверждается археологическими данными [Сакаи Рюити, 1984; Танигути Ясухиро, 1993], что позволяет рассматривать современную поселенческую модель в бассейне р. Бикин как уже опробованную предками аборигенного населения.

Вернемся к вопросу о средствах существования удэгейцев. Как отмечается в китайской исторической литературе, в местах обитания удэгейцев земледелие было внедрено пришлыми китайцами. Поскольку занятие сельским хозяйством не признается традиционным средством существования аборигенного населения региона, оно не стало основным предметом исследования специалистов. В этнографической литературе, посвященной бассейну Амура, вопрос о сельском хозяйстве либо не затрагивается, либо оно трактуется как новое и чуждое для аборигенов средство существования. Подобные утверждения противоречат археологическим материалам и историческим документам доэтнографического времени, которые

свидетельствуют о наличии земледелия и скотоводства [Росиа сюрё бункаси, 1998, с. 238 – 249 (статья Онуки Сидзуо)]. Поэтому не следует настаивать на том, что предки удэгейцев были только собирателями диких плодов и вели “традиционный” для населения Дальнего Востока образ жизни.

Хотя не известно, какие именно огородные культуры выращивали в данном регионе в этнографическое время (по крайней мере, это не отмечено в современных календарях удэгейцев), но мы знаем, что сельскохозяйственные работы планировались на июнь – сентябрь. Поскольку это не совпадает с периодами охоты (осенью и зимой) и рыбной ловли (весной и осенью) [Моримото Кадзуо, 1998, с. 29], то можно было легко включить такие работы в календарь мероприятий по обеспечению средств существования. Однако надо отметить, что следы борозд на полях и в садах встречались в местах зимних поселений, где, по сведениям этнографов, в летнее время никто не проживал. Возникает вопрос: не привело ли занятие сельским хозяйством к изменению поселенческой модели удэгейцев, к тому, что они стали отлучаться из основного места жительства только в сезоны рыбной ловли (т.е. весной и осенью)? Или, возможно, в том не было серьезной проблемы, поскольку зимние поселения и летние дома находились неподалеку друг от друга? Не стоит, пожалуй, недооценивать роль земледелия только потому, что оно как средство существования удэгейцев заметно проявилось лишь недавно. Следует поэтому рассмотреть вопрос о том, произошел или нет какой-либо структурный сдвиг в хозяйственной деятельности, и если да, то исследовать, в чем состоит его суть.

Давайте посмотрим на миграционную модель удэгейцев с точки зрения перспектив получения средств существования. Охотники придерживались круговой модели перемещения: они находились в деревне с весны до осени, переселялись во временные жилища возле мест рыбной ловли весной и осенью, пребывали в охотничьих домиках в зимнее время, а затем возвращались в деревню. Остальные члены их семей перемещались по типу качания маятника – между постоянным местом жительства и временным жилищем около участков рыбной ловли (весной и осенью). Вновь созданные деревни стали основными пунктами переселения удэгейцев. Но вследствие того, что функциональной связи между этими поселениями и прежними охотничьими домиками не было, поселенческая модель изменилась.

Можно предположить, что старая схема “деревня – охотничье угодье” была вытеснена затем новой – “охотничий домик – промысловая территория”. Раньше в зимнюю пору охотники обычно уходили на однодневную охоту из деревень, которые размещались в пределах каждой охотничьей территории. После пе-

реселения в новые деревни также практиковалась однодневная охота, но теперь она начиналась от охотничьего домика. Похоже, что современные промысловые территории остались почти теми же, что были раньше, да и стиль охоты сохранился прежний. Правда, вряд ли в прошлом охотники оставались в домиках в горах несколько месяцев, как то было после переселения удэгейцев в новые деревни.

Согласно переписи населения бассейна Бикина, проведенной С.К. Паткановым в 1894 г. (см. табл. 2), в деревнях проживали от 10 до 24 чел. Исключение составляли деревни Тохоло (38 чел.) и Сигу (70 чел.), располагавшиеся в нижнем течении реки. В них удэгейцы проживали вместе с китайцами. Мужское население деревень (кроме последних двух) составляло от 6 до 13 чел. Поскольку среди них, естественно, были дети и старики, можно предположить, что около половины мужчин участвовали в охоте. Удэгейцы обычно охотились поодиночке, но иногда коллективно. Так, например, чтобы загнать животное в глубокий снег, требовалось 5 – 6 чел. [Тагути Хироми 1998, с. 93]. В большинстве деревень мужчин для такого дела было достаточно, и потому не приходилось обращаться за помощью в соседние деревни. Судя по результатам той же переписи населения, на каждой охотничьей территории, по крайней мере от д. Сивантай-Мяо до д. Урунги, где размещались старые поселения, в охоте участвовали по три – шесть взрослых мужчин односельчан. Их наставником становился самый сильный и умудренный опытом охотник. В то время как эти мужчины занимались только охотой, остальные члены их семей разделяли туши убитых животных, следили за содержанием и исправностью охотничьего снаряжения и т.д. Следовательно, существовало разделение труда с учетом пола и возраста членов семей. Можно полагать, что каждым охотничьим угодьем владела отдельная семья. Вероятно, каждая из выделенных промысловых территорий использовалась всей деревней, и после переселения она оставалась во владении тех же людей.

Деревни, охотничьи территории и организация общественных работ

Имели ли группы и подгруппы населения отмеченных на карте деревень какую-либо значимость в качестве общественных организаций? Поскольку принадлежность к определенному роду играла важную роль в функционировании общества тунгусо-маньчжурских народностей, следует рассмотреть вопрос о родовом составе обитателей деревень.

Допуская, что старые деревни состояли из нескольких домов, можно предполагать принадлежность всех проживавших в них мужчин к одному и тому же роду. Но известно несколько случаев, когда в горных

деревушках Большого Хингана (Маньчжурия) проживали охотники и собиратели, которые были выходцами из разных родов.

В музее д. Красный Яр имеется составленный ее директором перечень старых деревень и родов от начала XX в. до 1930-х гг. Не ясно, однако, существовали или нет эти деревни в обозначенный период, поскольку названия некоторых из них не встречаются в упомянутых ранее документах. Все же похоже, что в больших деревнях проживали представители многих родов, а в небольших – лишь одного.

Согласно упомянутому перечню, те, кто принадлежал роду Канчуга, расселились большей частью в среднем и нижнем течении Бикина. Однако большинство родов не владели столь обширными территориями, и поэтому связь между ними и размещением старых деревень остается неясной. В каждом роду наблюдается тенденция держаться подалеже от соседей. Это кажется странным. Ведь, согласно теории, все должно быть наоборот, ибо если представители разных родов живут по соседству, то возникает перспектива брачных межродовых союзов.

Анализ поселенческих моделей показал, что расстояние между деревнями (5 – 10 км) соответствует интервалу между стоянками, которые исследуют археологи. Последние подсчитали, что в период дзэмон в Японии базовые поселения отстояли друг от друга на 7 – 10 км [Сакаи Рюити, 1984]. Такое же расстояние отделяло в эпоху неолита в Китае поселения, жители которых существовали за счет продукции сельского хозяйства [Онуки Сидзуо, 1997].

Среди японских специалистов, занимающихся изучением культур охотников и собирателей, бытует мнение о том, что промысловые территории простирались в радиусе 5 – 10 км от поселения, находившегося в центре. Но в бассейне Бикина деревни располагались вдоль берегов и размеры охотничьих угодий определялись расстояниями между его притоками.

Рассчитанная Моримото Кадзуо, [2000] плотность удэгейского населения (согласно переписи 1894 г. С.К. Патканова) составляла 3 – 4 чел. на 100 км². Это довольно мало. Почти такая же плотность населения в Субарктике и в зонах умеренных температур в Канаде, а также на Аляске, но она намного больше на северо-западном побережье США (10 – 20 чел. на 100 км²) и в устье Амура, где проживают нивхи (19,2 чел. на 100 км²) [Kelly, 1995, tabl. 6, 4]. Ситуация с удэгейцами свидетельствует о том, что они при оседлом образе жизни не всегда могли содержать большую семью.

В бассейне Бикина низовье богато пищевыми ресурсами (дикие животные, рыба и растения). Вполне возможно, что именно потому плотность населения здесь побольше, а деревни многолюднее. Согласно проведенной С.К. Паткановым переписи, в 1897 г. население д. Сигу, которая размещалась около нынешнего

Красного Яра, было довольно многочисленным (70 чел.). Можно предположить, что китайские земледельцы поселились в этом богатом природными ресурсами районе, где относительно большие деревни уже существовали, в то время как в верховьях Бикина сохранялся традиционный образ жизни, т.к. природные условия там не способствовали развитию сельского хозяйства.

Надо отметить, что в ходе исследования мы не смогли обнаружить следы котлованов древних жилищ доэтнографического времени ни в д. Сивантай-Мяо, ни восточнее ее. Но их много в бассейнах Амура и Имана. Можно предположить, что в исследованном нами районе древнее население было еще более малочисленным, чем в этнографическое время. Поэтому, вполне вероятно, плотность населения в этом регионе не является обычной для поселений собирателей Дальнего Востока.

Заключение

Поселения удэгейцев конца XIX – начала XX в. размещались в пределах каждой охотничьей территории около нерестилиц лосося. Главными средствами существования этого народа были ловля лосося и охота на крупных млекопитающих – изюбря и дикого кабана. На мелких пушных зверей (соболя и др.) охотились с целью продажи ценного меха. В бассейне Амура важность такой торговли со временем возрастала, о чем свидетельствует т.н. сантьянская торговля, а история ее восходит к глубокой древности.

В охотничьих угодьях верховьев Бикина (территории 16 – 24) нерестилища лосося отсутствуют, а из-за преобладания здесь хвойных (шишконосных) лесов количество животных, которые обеспечивали обычно пропитание, значительно меньше. Так что существовать здесь по традиционной схеме выживания трудно. Такое предположение подтверждается отсутствием в этом регионе старых деревень.

Деревни в основном располагались в пределах охотничьих территорий. Это обусловлено, вероятно, тем, что ловля лосося и охота на промысловых животных обеспечивали пропитание людей. Старые зимние деревни удэгейцев размещались на речных террасах. С мая по октябрь, в сезон ловли рыбы, их обитатели жили во временных постройках на берегу реки. В них к тому же легче было переносить летнюю жару [Подмаскин, 1998]. Но поскольку летние жилища удэгейцев размещались обычно неподалеку от зимних деревень [Старцев, 1996], то это больше соответствует модели поселения для постоянного (в течение всего года) проживания в одном месте. Можно предположить, что, по крайней мере, в бас-

сейне Бикина деревни строились так, чтобы расстояния между ними и летними стойбищами не были значительными. Удэгейцы переезжали временно в постройки на берегу реки для ловли рыбы с весны до осени, а зимой мужчины ежедневно отправлялись на охоту из зимних деревень*. Согласно нашим сведениям, удэгейцы, занимавшиеся охотой на обширных пространствах Сихотэ-Алиня, были более мобильны, чем нанайцы – рыболовы Амура, Усури и Сунгари. Записи, касающиеся этих народов, не имеют конкретной привязки к месту и времени, поэтому сложно проверить содержащиеся в них сведения. Мы можем сделать лишь одно предположение – по крайней мере, в бассейне р. Бикин с конца XIX до начала XX в. удэгейцы, вероятно, имели оседлую модель хозяйствования.

Список литературы

- Арсеньев В.К.** Дерсу Узала. – Владивосток: Кн. изд-во, 1972. – 258 с.
- Народы Сибири.** – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.
- Арсеньев В.** Дэрсу Узара [Дерсу Узала]. – Токио: Кавадэ-сёбо, 1995. – Т. 1. – 331 с.; Т. 2. – 339 с. (на яп. яз.).
- Маак Р.** Амуру-гава рюки миндзокуси [Этнография бассейна р. Амур] / Пер. под ред. Като Кюдзо // Кукав. – 1972. – № 5. – С. 65 – 93; № 6. – С. 125 – 152; № 7. – С. 167 – 223. (на яп. яз.).
- Моримото Кадзуо.** Карасуни-яру то бикин-гава рюкино тэса [Исследования в д. Красный Яр и в бассейне р. Бикин] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Саго Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – С. 1 – 41. (на яп. яз.).
- Моримото Кадзуо.** Росиа кёкуто-но сюрё миндзоку Удэхэ-но сюрэку [Поселения удэгейцев, охотников Российского Дальнего Востока] // Оцука Хацусагэ сэнсэй рёдзю кинэн кокогаку ронсю. – Токио: Токёдо-сюппан, 2000. – С. 1116 – 1139. (на яп. яз.).
- Онуки Сидзуо.** “Канан бумбуцу тидзусю – канан бунсацу” – о-ёму – Суцзан-о мэгуру исэкигун-но дотай [Исследование динамики развития стоянок вокруг Суншаня] // Дзю-но кокогаку. – Токио: Досэйся, 1997. – С. 139 – 154. (на яп. яз.).
- Патканов С.К.** Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. – СПб.: Б.и., 1906. – Ч. 2. – 206 с.
- Подмаскин В.В.** Народные знания удэгейцев. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 160 с. (на яп. яз.).
- Росиа сюрё бункаси** [Охотничья культура в России по данным этнографии] / Под ред. Саго Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – 324 с. (на яп. яз.).
- Сакаи Рюити.** Яёй дзидай тюки, Кинай сякай-но кодзо то сэтормэнто сисутэму [Структура и поселенческая модель общества Кинайского региона в период среднего яёи] // Бункадзай дакухо. – 1984. – № 3. – С. 37 – 51. (на яп. яз.).
- Сасаки Сиро.** Курасуни-яру-мура-но сюрё сайсю сонгё-но юкуэ кабусики гайся миндзоку рёси кигё “Бикинно” тэсэн [Будущее индустрии охотников-собирателей в д. Красный Яр – вызов этнической корпорации охотничьего предпринимательства] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Саго Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – С. 164 – 202. (на яп. яз.).
- Саго Хироюки.** Нихон кюсэки бунка-но кодзо то синка [Структура и эволюция палеолита Японии]. – Токио: Касива-сёбо, 1992. – 362 с. (на яп. яз.).
- Саго Хироюки.** Сюрё-но эсуноакэородзи кэнкю тохананика – Удэхэ то магаги-но сюрё сисутэму-но хикаку кара [Этноархеологическое исследование охоты – сравнение охотничьей системы удэгейцев и магагийцев] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Саго Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998а. – С. 47 – 75. (на яп. яз.).
- Саго Хироюки.** Отосиана-но додзоку кокогаку – сюрё гидзюцу-но сисутэму то кодзо [Этноархеология ямных ловушек (капканов) – система и структура охотничьей техники] // Дзёмон сики сэйкацу кодзо – Токио: Досэйся, 1998б. – С. 192 – 221. (на яп. яз.).
- Саго Хироюки.** Ню-акэородзи ва Нихон-но кюсэки дзидай кэнкю-ни нани-о мотараситака? – сэнси кокогаку кэнкю-но парадайму-сифуто [Что привнесла новая археология в изучение палеолита Японии? – примечательные сдвиги в изучении доисторического прошлого] // Кюсэки кокогаку. – 1999. – № 58. – С. 133 – 140. (на яп. яз.).
- Саго Хироюки.** Хоппо-сюрёмин-но миндзоку-кокогаку [Этноархеология охотников Севера]. – Саппоро: Хоккайдо сюппан кикаку сэнта, 2000. (на яп. яз.).
- Старцев А.Ф.** Материальная культура удэгейцев. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 156 с.
- Тагути Хироми.** Росиа Энкай-сю сёсу миндзоку удэхэ-но сюрё то кураси [Охота и жизнь удэгейцев, малочисленного народа в Российском Приморье] // Росиа сюрё бункаси / Под ред. Саго Хироюки. – Токио: Кэйюся, 1998. – С. 81 – 157. (на яп. яз.).
- Танигути Ясухиро.** Дзёмон дзидай сюрэку-но рёики [Территориальное размещение поселений эпохи дзёмон] // Кикан кокогаку. – 1993. – № 44. – С. 67 – 71. (на яп. яз.).
- Binford L.R.** Forty-seven trips: a case study in the character of archaeological formation processes // Stone Tools as Cultural Markers / Ed. by R.V.S. Wright. – Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1977. – P. 24 – 36.
- Binford L.R.** Willow smoke and dogs’ tails: hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation // American Antiquity. – 1980. – N 45. – P. 4 – 20.
- Kelly R.L.** The Foraging Spectrum: Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. – 446 p.
- Vladimir K. Arseniev:** A Bibliography in Photographs and Eyewitness Accounts / Primorsky Local Lore Museum Named after Arseniev. – Vladivostok, 1997. – 335 p.
- Watanabe H.** Subsistence and Ecology of Northern Food Gatherers with Special Reference to the Ainu // Man the Hunter / Ed. by R.B. Lee. – Chicago: Aldine, 1968. – P. 69 – 77.

* Однако в бассейнах Усури и Амура летние стойбища, где велась ловля рыбы, могли находиться на большом расстоянии от зимних деревень [Маак, 1972].

Л.М. Русакова

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 Тел. (8-3832) 34-27-78

КОЛЛЕКЦИЯ ОДЕЖДЫ СТАРООБРЯДЦЕВ-СИБИРЯКОВ ШТАТА ОРЕГОН (США)

Историография старообрядчества в России представлена очень широко. Она освещает это самобытное явление с точки зрения его возникновения, развития, причин устойчивости, многообразия проявлений старообрядческих традиций в духовной и культурной жизни. Не ослабевает интерес исследователей к проблемам истории российского старообрядчества, в т.ч. современного. Изучаются, например, состояние культуры и быта компактных групп старообрядцев-сибиряков, покинувших страну в послереволюционные годы, а также в период коллективизации и проживающих в настоящее время в различных странах.

В 1990 г. мне была предоставлена возможность в течение месяца вести полевые этнографические исследования в г. Вудбурне штата Орегон на северо-западе США, где поселились старообрядцы. По словам информаторов, в большинстве своем они сами либо их отцы, деды и прадеды ранее проживали на Алтае в бывшей Томской губ., главным образом в районе р. Бухтармы. После Октябрьской революции (в 1917 – 1920 гг.) и во время коллективизации (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) старообрядцы, боясь арестов и конфискации имущества, бежали в Китай. Одна группа старообрядцев обосновалась в Синьцзяне (район на западе Китая), другая группа – в Харбине, в северо-восточной части Китая (Маньчжурия). Там после вступления советских войск в Маньчжурию в 1945 г. они начали подвергаться гонению. Многие были арестованы и вывезены в СССР. Оставшиеся, чтобы избежать преследования, стали покидать насиженные места. После провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики старообрядцы снова ощутили прессинг, на этот раз уже со стороны новой власти. Только

444 чел. из колонии старообрядцев смогли тогда покинуть Гонконг, 1 055 старообрядцев остались в Китае [Brother Ambrouse..., 1972, p. 5].

Старообрядцы решили обосноваться в Бразилии. Путь туда лежал через Лос-Анжелес, где им рассказали, что в США в штате Орегон проживают русские молокане. Группа старообрядцев отправилась в Орегон и пришла к выводу, что в штате можно заниматься сельским хозяйством, рыболовством, работать на фабрике, а также купить дом и землю. С 1962 по 1965 г. из Бразилии в Орегон переселилось 80 семей старообрядцев*. В 1970 г. бразильская группа в Орегоне насчитывала уже 2 840 чел. (около 300 семей). Значительная группа “синьцзянцев” и “харбинцев” (так в США называли прибывших из Синьцзяня и Харбина) поселилась в Вудбурне. В близлежащей деревне проживали 46 семей (167 чел.) старообрядцев, эмигрировавших из Турции [Ibid, p. 6]. Их стали называть “турчане”. В 1981 г. в Орегоне насчитывалось уже 5 тыс. старообрядцев [Peterson, 1981, p. 6]. Статистических данных на 1990 г. мне найти не удалось.

Из бесед с 25 информаторами выяснилось, что с их близкими и дальними родственниками мне приходилось встречаться во время экспедиций в селах Огнево, Осочиха, Тургусун, Соловьево, Снегирево, Парыгино, Путинцево, Язовая, Печи (Алтайский край) и г. Зырянское (Восточно-Казахстанская обл.). В Орегоне проживают Анфилофьевы, Блиновы, Выходцевы, Кузнецовы, Кузьмины, Лаптевы, Лысовы, Макаровы, Маметьевы, Мамонтовы, Пятковы, Самойловы, Снегиревы и многие другие.

* Hall R.L. Russian Old Believers of Marion County. Manuscript. Kept in Archives of North-West Folklore. Eugene, Oregon.